

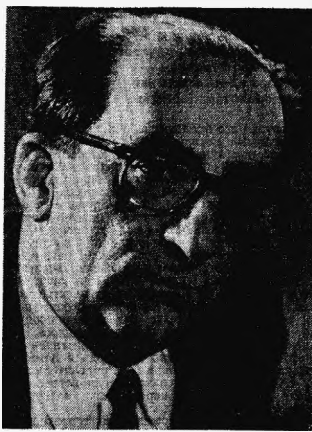
2. Ленинград
А БДТ им. Горького

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА 1986, 1894

Георгий Товстоногов:

ТРИДЦАТЬ ЛЕТ И ВСЯ ЖИЗНЬ

Едва я миновал площадь Остревского и вышел на улицу заднего России, как услышал знакомый вопрос: «Нет ли лишнего билетика?». Вопрос этот не минул почти никого, кто идет по направлению к академическому Большому драматическому театру имени М. Горького. Вот уже 30 лет этот коллектив вызывает устойчивый интерес у зрителей. Завидно устойчивый интерес. На эту тему и разговор с главным режиссером БДТ, народным артистом СССР, Героем Социалистического Труда Г. Товстоноговым.

— Георгий Александрович, я понимаю, что в короткой беседе практически невозможно дать исчерпывающий ответ на вопрос: «Как удалось Большому драматическому театру в течение трех десятилетий быть одним из главных центров театральной жизни страны?». И все же давайте немного поговорим об этом. С чего и как все началось?

— А началось все ровно 30 лет назад — 13 февраля 1956 года. Прекрасно помню свой первый день в БДТ. Пришел вечером на спектакль и вижу — гардероб полупуст, в фойе прогуливаются десяток-другой человек. Зашел в зрительный зал и насчитал 10 человек. 13 февраля, 13 зрителей... Было о чем задуматься, я ведь, как и всякий человек театра, по-театральному суверен. Теперь же мы сидим в театральном суверене в изюбре, исключив цифру 13. Для меня она и ныне оказалась счастливой.

Большой драматический театр и мало зрителей — грустная штука. Впрочем, было не до шуток. Катастрофическую ситуацию с театром, на спектакли которого были хронически проваливались с минутами, я считал как не менее на них не приходило, хорошо понимал, конечно, не один я, это понимали и в партийных органах Ленинграда, и в управлениях культуры. Мне предложили перейти в БДТ, как переводили тогда в отставку чиновников. Спросил: «Сможете вернуть театру художественную репутацию?» Я ответил: «Постараюсь». Но для этого мне нужны особые условия.

— А не странно ли было уходить из благополучного Театра имени Ленинского комсомола? К тому же вы по нынешним, конечно, меркам были еще молодым режиссером — всего 41 год.

— Признаться, страшно. Хотя за плечами был уже довольно большой режиссерский опыт: работа в театрах Тбилиси, Москвы, руководство Театром имени Ленинского комсомола, где два моих спектакля были удостоены Государственной премии СССР, постановка в Академическом театре драмы имени А. С. Пушкина «Оптимистической трагедии»... И все же было страшно начинать новое дело. Путига, скорее, не ответственность, а состояние театра. Две перестройки работы художественного организма нашего коллектива. И наконец, ответственность перед зрителем. Любая необходимость вернуть, возродить театр. Артистический Большой драматический театр, основанный в 1919 году М. Горьким, А. Блоком, М. Андреевым и другими деятелями революционного искусства.

Месяц я смотрел спектакли, изучал труппу, определял ее потенциальные возможности. Репертуар театра сослался в основном на посмертные драмы и костюмированные комедии, поставленные самыми различными режиссерами. В силу многих причин в БДТ часто менялись главные режиссеры, и театр не имел четкой и цельной художественной программы. Большую часть труппы составляли артисты старшего поколения. Среди них были и замечательные мастера сцены: А. Лариков, В. Софонов, О. Казико, Е. Грановская. Артисты же среднего поколения, а именно на этот возраст ложилась основная нагрузка репертуара, было немного, среди них В. Полцейский, Е. Копелян, П. Мавров, В. Стрыжельчик. И полное отсутствие актерской молодежи. К. Ларов тогда только что вступил в труппу. Как правило, играли ведущие актеры много, но творческих удач почти не было. В этом и заключалась их драма. Огромным бременем на коллективе лежала денежный дефицит.

— Предстояло преодолеть не только денежный дефицит, но, главное, художественный, моральный. А какие же сроки перестройки театра вы поставили перед коллективом?

— Максимально сжатые. Меня убеждали: не торопитесь, театр с традициями, и надо менять дело постепенно, желательно безболезненно. Я же был убежден: для художественной перестройки театра были жизненно необходимы кардинальные меры. Экспериментально пути развития коллектива я предположил революционный, отчетливо понимая, насколько это по-человечески трудно. За очень короткий срок нам пришлось расстаться более чем с 30 актерами, и все им в управлении культуры была предоставлена другая работа. Со мной из Театра имени Ленинского комсомола пришли Е. Лебедев, И. Владимиров, Г. Гай и другие. Я пригласил в театр З. Шарко, В. Кузнецова, И. Смоктуновского, позже Т. Доронино, С. Юрского, О. Басилькиши, П. Луспенева. Через несколько лет при БДТ открыл актерскую студию.

стик поставил, вынужденный спектакль, «которого самодержавие художественный поиск и административно-театрическую инициативу коллектива. Проблема данным-данно назрела, можно сказать, переросла и требует безотлагательного решения.

— Тогда, в середине пятидесятых годов, нам удалось короткий срок решить главные художественные задачи коллектива во многом благодаря тому, что руководство театра помогло в решении организационных. Без качественного наращения существующей ныне бюрократической системы театрального дела на всех уровнях, я убежден, невозможно успешное развитие театра как искусства.

— И критика связывает надежды с предостережением, как мы надеваемся, реформой театра. Вы, безусловно, правы, что в искусстве нельзя заведомо утверждать: товар продавать наравне с художественными произведениями.

— Надо все больше думать о действенном механизме, который бы не допускал выходы в свет безликих произведений. А для этого надо в каждом художественном коллективе выработать высокие идейно-художественные критерии. Впрочем, лучше их не выработать годами, а установить сразу же. Это правило мне подсказал собственный опыт. Когда я пришел в БДТ, то отменил репетицию очень слабой пьесы на современную тему, хотя она по внешним признакам казалась очень очень актуальной. Я снал с репертуара пьесу, которую считал хорошей, и до конца сезона было выпущено шесть новых, хотя они тогда были очень далеки от решения наших главных задач. Устойчивой художественной программы я видел в традициях БДТ первых лет его жизни: высокая героика и высокая комедия.

— А какой был ваш первый, принципиально важный для театра спектакль в БДТ?

— «Лиса и виноград» Г. Фигейреду.

— То есть вы начали с восстановления традиций высокой комедии...

— И не случайно. К социальной драме, высокой трагедии, к работе над классикой нам нужно было подойти. В пьесе Фигейреду, как в подлинно высокой комедии, заложены черты драматического, даже трагического звучания.

— Инсценировка романа Ф. Достоевского «Идиот», поставленная в 1957 году, как я понимаю, была одним из первых программных спектаклей. Тогда Достоевского почти не ставили, и традиция омыла порядочно позабыта. Этот спектакль вызвал споры. А помните, какую реакцию получил первый спектакль «Гора от ума»?

— И хорошо, что спорили! Бесспорный спектакль — не всегда бесспорное произведение искусства. Мы утверждали свой углубленный интерес к внутреннему миру человека, личности. Зрители в образе Мишкина в удивительно тонком исполнении И. Смоктуновского увидели беззащитного, честного, порядочного и доброго человека.

— При всем своем художественном различии трагедийные спектакли «Идиот», «Гора от ума», «Оптимистическая трагедия» имеют одну суть: оспаривают общепринятую за черту. Это чувство вымалось в личности человека.

— Я вспоминаю, как активно реагировали зрители, делегаты XX съезда партии на просмотре

«Оптимистической трагедии». Почти каждая реплика Коллессера о человеческом достоинстве, партийности, принципиальности, духовной бескомпромиссности воспринималась как вызов. Времени для развития искусства. Именно в те годы театр занял лидирующее положение среди других искусств. Рядился театр-студия «Советские артисты», сыгравший огромную роль в художественной, смысловой современности. Имен студийности, творческого автономии владели театральными коллективами.

— А как идеи творческого автономии утверждались в Большом драматическом театре. Времени работы над спектаклем во взаимном уважении к творчеству каждого коллективного члена коллектива?

— Пожалуй, во время работы над «Барварисом» М. Горького в 1959 году. К этому времени коллектив, носивший имя Горького, уже создал для постановки этой сложнейшей социальной драмы. В этом спектакле составили блестящие дебюты Т. Дорониной и П. Луспенева, раскрылись новые грани таланта Е. Лебедева, здесь по существу началось становление В. Стрыжельчика.

Каждое время предлагает свои взгляды на классику. Постыковской «Барварис», «Мещанин», «Длинная» мы стремились раскрыть художественную глубину произведений Горького, широту психологического и комического, в которой драматическое, трагическое и комическое находятся в единстве.

Тем не менее, что к драматургии Горького мы обращались каждое десятилетие. «Барварис» был поставлен в 1959 году, «Мещанин» — в 1966-м, «Длинная» — в 1976-м, а в этом году мы приступили к работе над одной из его самых замечательных пьес — «Гнездо».

— Высокая классика давно заняла ведущее место в репертуаре БДТ. Всесоюзную, мировую известность получили спектакли разных лет: «Григорий Чирок» по пьесе А. Уманова, А. Габриэля, «Барварис» И. Гоголя, «История панахи» по повести Л. Толстого «Хлопотунья». Эти спектакли вошли в историю театра, некоторые из них до сих пор удерживают вершину БДТ. Георгий Александрович, какие спектакли вы считаете программными для БДТ?

— Я называю лишь те, которые, как мне представляется, наиболее ярко выразили свое время. «Пять вечеров» А. Володина, «Склянок» А. Штейна, «Склянок» лет, сколько знаю В. Пановой, «Прощай, лавочка» В. Чуковского, А. Вильямса, «Энергичная» В. Шукшина, «Гравюра одного человека» и «Мя», нижеподписавшиеся А. Галкина... Театр не может жить без современной пьесы, без тесного сотрудничества со своими верными драматургами-дедмишленниками. Такие авторы мы постоянно ищем.

К XVII съезду партии мы поставили пьесу не известного ранее драматурга из Риги В. Дорощева «Последний посетитель». Такая пьеса могла появиться только в последнее время — время реальных сдвигов, восстановления высших норм морали.

— Тридцать лет в БДТ создан целый ряд спектаклей, ставших в другой театр, то есть нашей стране, «любимыми зрительскими». Среди них «Метель» и «Идиот» Д. М. Шолохова, «Беспокойная старость» Л. Разгулова, композиция по произведениям советской Ленинским «Перечислять» записки... «Яростный» А. Дударова.

О чем бы я ни сказал спектакли, о какой эпохе бы ни говорил, рассказывали бы, а всегда думаю о дне нынешнем. Это политические, социальные, нравственные проблемы. Современный зритель, а особенно молодой, должен, обязан знать о цене Победы нашего народа в годы войны, о славной Великой Отечественной войне. Милые, не имея я не то права рассказывать о прошлом, не пропусти его через сердце, нельзя говорить о будущем. Надо помнить, надо тревожиться за судьбу будущего. Надо транслировать в человека память и совесть, не давая ему забыться, успокоиться в круговороте ежедневных дел.

— Георгий Александрович, а если бы вам довелось вновь начинать так же, как и 30 лет назад — прийти в другой театр, то как бы вы поступили? Пошли путем радикальных перемен или же предпочли эволюционный путь развития?

— Если бы я не имел возможности создать абсолютно новый театр, как это сделал мой ученик М. Туманишвили, поиную возглавляемый им Московский академический театр имени Ш. Руставели и организованный с молодыми артистами театр-студио киноактера, а пришлось бы вновь возглавить «старую бригаду», то я бы поступил точно так же, как и тогда, в 1956 году.

— И не побоялся бы упреков в максимализме?

— И даже не боялся бы упреков в идеализме, хотя отчетливо понимаю, что сегодня, при существующей хаотично-бюрократической системе театрального дела, перестраивать работу художественного коллектива нашего труднее, чем это было 30 лет назад. Но будем такими идеалистами и максималистами, если этого требует искусство. А как иначе?

— 30 лет работы в искусстве, 30 из них отдало Большому драматическому театру — целая жизнь, огромная, насыщенная. Времени улетело в историю. А не испытывали ли вы потребности подвести итоги?

— Да, 30 лет пролетело как-то незаметно, словно прошло несколько театральных сезонов. А вот нет ощущения огромности этого периода... Испытываю даже какое-то чувство удивления: неужели тридцать лет? Тридцать? Да, неужели тридцать? Как много! И как мало! Но не будем подводить итоги. Не хочется. Пусть их подводит сама жизнь.

Беседу вел критик
Виталий ПОТЕМКИН.